

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie
THREE ACT TRAGEDY

Copyright © 1934 Agatha Christie Limited.
All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE, POIROT and the Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere. All rights reserved.

Agatha Christie Roundels Copyright © 2013 Agatha Christie Limited.
Used with permission.
<http://www.agathachristie.com>

Кристи, Агата.

К82 Трагедия в трех актах / Агата Кристи ; [пер. с англ. Г. В. Сахацкого]. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-105097-9

Вечеринка на вилле знаменитого актера сэра Чарльза Каррайта, недавно завершившего свою театральную карьеру, собирает тринадцать гостей. Несчастливое число становится роковым для одного из них, пастора Баббингтона — он внезапно умирает, сделав глоток из своего бокала с коктейлем. Что это — несчастный случай или преднамеренное убийство? Великий сыщик Эркюль Пуаро, оказавшийся в числе гостей, берется за расследование. Однако химическая экспертиза показала, что в бокале умершего не содержалось никаких ядов. И, что еще более озадачивает Пуаро, нет совершенно никаких мотивов для убийства. Однако сыщик убежден: ни о каком несчастном случае не может быть и речи...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-105097-9

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Акт первый

ПОДОЗРЕНИЕ

Глава 1

«ВОРОНЬЕ ГНЕЗДО»

Мистер Саттерсуэйт¹ сидел на террасе «Вороньего гнезда» и смотрел, как сэр Чарльз Картрайт, у которого он находился в гостях, поднимается по тропинке со стороны моря.

«Воронье гнездо» представляло собой бунгало современного типа. Оно не имело ни деревянных ростверков, ни фронтонов, ни архитектурных излишеств, столь милых сердцу третьеразрядного застройщика. Это было незамысловатое, основательное здание белого цвета — гораздо более объемистое, нежели это казалось на первый взгляд. Своим названием оно было обязано расположению — высоко на склоне холма, обращенное к гавани Лумаута. Один из углов террасы, защищенной прочной балюстрадой, нависал над пропастью, обрывавшейся в море. До города от «Вороньего гнезда» по дороге

¹ Впервые этот любимый автором персонаж появился в сборнике рассказов А. Кристи «Таинственный мистер Кин» (1930).

было не более мили. Дорога уходила в глубь суши и затем петляла вдоль обрыва над морем. Пешком до него можно было дойти за семь минут — по крутой тропинке, которой пользовались рыболовы и по которой теперь поднимался сэр Чарльз Картрайт.

Это был хорошо сложенный, загорелый мужчина средних лет, одетый в белый свитер и старые серые фланелевые брюки. Шел он слегка вразвалочку, держа руки в карманах. Девять человек из десяти сказали бы о нем: «Отставной военный моряк — вне всякого сомнения». Десятый, более внимательный, заколебался бы, озадаченный неким не поддающимся определению несоответствием. И затем, вероятно, перед его мысленным взором невольно возникла бы картина: палуба корабля — но не настоящего, а корабля, видимое пространство которого ограничивает занавес из толстой богатой ткани; человек, Чарльз Картрайт, идущий по этой палубе, залитый светом — но не солнечными лучами, — легкой походкой, вразвалочку, держа руки в карманах, и произносящий приятным голосом английского моряка и джентльмена: «Нет, сэр, боюсь, я не смогу дать вам ответ на этот вопрос». В этот момент с шелестом тяжелый занавес падает, вспыхивает свет, оркестр играет мелодию в новомодном синкопированном ритме, и девушки с пышными бантами в волосах произносят: «Шоколад? Лимонад?» Первый акт пьесы «Зов моря» с Чарльзом Картрайтом в роли командера Вэнстоуна подошел к концу.

Мистер Саттерсуэйт улыбался, наблюдая за происходящим с высоты своего положения. Этот ху-

дой, словно высохший, покровитель искусств — и в первую очередь драматического, — закоренелый сноб, обладавший деликатными манерами, всегда присутствовал на наиболее представительных загородных вечеринках и прочих общественных мероприятиях (слова «и мистер Саттерсуэйт» неизменно завершали списки приглашенных). Кроме того, он отличался незаурядным умом и проницательностью.

Покачав головой, он пробормотал:

— Честное слово, никогда бы не подумал...

Раздавшийся рядом шум заставил его повернуть голову. Высокий седовласый человек подвинул вперед кресло и расположился в нем. Его лицо было отмечено отчетливой печатью профессии и социального статуса: «доктор» и «Харли-стрит»¹. Сэр Бартоломею Стрейндж преуспевал на своем поприще. Он был известным специалистом по нервным расстройствам, а недавно удостоился рыцарского звания по случаю дня рождения короля.

— О чем вы никогда бы не подумали? — осведомился он у мистера Саттерсуэйта. — Поделитесь, пожалуйста.

Мистер Саттерсуэйт с улыбкой махнул головой в сторону человека, быстро поднимавшегося по тропинке.

— Никогда бы не подумал, что сэр Чарльз сможет находить удовольствие в столь продолжительном... изгнании.

¹ Улица, на которой расположены приемные кабинеты самых дорогих врачей Лондона.

— Ей-богу, и я тоже!

Сэр Стрейндж рассмеялся, откинув назад голову.

— Я знаю Чарльза еще с юности. Мы вместе учились в Оксфорде. Он всегда был более талантливым актером в жизни, нежели на сцене! Чарльз постоянно играет и ничего не может с собой поделать — это его вторая натура. Он не выходит из комнаты, а «совершает выход». И к тому же любит менять роли. Два года назад он ушел со сцены. Сказал, что хочет вести простую сельскую жизнь, вдали от мира, и осуществить свою давнюю мечту о море. Он приехал сюда и построил этот дом — воплотил в реальность свое представление о простом сельском коттедже. Три ванны со всеми этими современными устройствами! Как и вы, Саттерсуэйт, я не думал, что это продлится долго. В конце концов, как и всякому актеру, Чарльзу нужны зрители. Два-три отставных капитана, несколько пожилых женщин и священник — перед столь немногочисленной публикой играть не слишком обременительно. Я полагал, «простого парня, влюбленного в море» хватит месяцев на шесть, а потом он устанет от этой роли и преобразится в уставшего от жизни «человека мира» в Монте-Карло или помещика в шотландском Хайленде — Чарльз весьма разносторонен и практически универсален.

Доктор прервал свой довольно продолжительный монолог. Он с искренней теплотой смотрел на поднимавшегося по тропинке и ни о чем не подозревавшего друга юности. Через пару минут тот должен был присоединиться к ним.

— Тем не менее, — добавил сэр Бартоломью, — похоже, мы не правы. В простой жизни есть определенная притягательность.

— Порой о человеке, играющем ту или иную роль, составляют неверное мнение, — заметил мистер Саттерсуэйт. — Его, зачастую незаслуженно, не воспринимают всерьез.

Доктор кивнул.

— Да, — задумчиво произнес он. — Это правда.

Поприветствовав их, Чарльз Картрайт бодро взбежал по ступенькам на террасу.

— «Мирабель» превзошла саму себя, — сказал он. — Вам следовало приехать, Саттерсуэйт.

Мистер Саттерсуэйт покачал головой. Ему слишком часто приходилось страдать при пересечении Ла-Манша, и никаких иллюзий по поводу стойкости своего организма в отношении морской болезни он давно уже не питал. Тем утром он наблюдал «Мирабель» из окна своей спальни. Дул довольно сильный бриз, и мистер Саттерсуэйт благодарил небеса за то, что находится на суше.

Сэр Чарльз подошел к окну гостиной и крикнул, чтобы принесли напитки.

— И тебе следовало приехать, Толли, — сказал он, обращаясь к другу. — Ты уже и так полжизни просидел на Харли-стрит, рассказывая своим пациентам, какой замечательной была бы их жизнь на берегу океана.

— Медицинская профессия обладает одним существенным преимуществом, — сказал сэр Барто-

ломью. — Доктор не обязан следовать своим собственным рекомендациям.

Сэр Чарльз, еще не вышедший из образа грубовато-добродушного веселого моряка, рассмеялся. Это был чрезвычайно привлекательный мужчина с тонкими, пропорциональными чертами лица. Налет седины на висках придавал особое благородство его облику. В первую очередь он выглядел джентльменом и только во вторую — актером.

— Ты плавал один? — спросил доктор.

— Нет. — Сэр Чарльз повернулся, чтобы взять бокал с подноса, принесенного нарядной горничной. — У меня была помощница — девушка по прозвищу Эгг.

Услышав в его голосе нотку смущения, мистер Саттерсуэйт внимательно посмотрел на него.

— Мисс Литтон-Гор? Она умеет ходить под парусом?

Сэр Чарльз горько усмехнулся.

— Рядом с нею я чувствую себя сухопутной крысой. Но благодаря ей я делаю определенные успехи.

Теперь понятно, подумал мистер Саттерсуэйт. Вот почему он не выглядит уставшим. Опасный возраст. На этом жизненном этапе обычно и появляется молодая девушка...

— Ничто не сравнится с морем, — продолжал сэр Чарльз. — Солнце, ветер, волны — и простая хижина, куда потом возвращаешься...

Он бросил довольный взгляд на белое здание с тремя ванными, с холодной и горячей водой в каждой спальне, с самой современной системой цен-

трального отопления, новейшим электрическим оборудованием и целым штатом прислуги, включившим двух горничных, шеф-повара и кухарку. Представление сэра Чарльза о простой жизни было явно завышенным.

Из дома вышла высокая, чрезвычайно некрасивая женщина и направилась в их сторону.

— Доброе утро, мисс Милрэй.

— Доброе утро, сэр Чарльз.

Взглянув на остальных мужчин, она едва заметно наклонила голову.

— Вот меню обеда. Не желаете изменить в нем что-либо?

— Давайте посмотрим, — пробормотал сэр Чарльз, взяв протянутый ему лист бумаги. — Дыня-кantalупа, борщ, свежая макрель, суфле «Сюрприз», канапе «Диана»... Ничего менять не нужно. По-моему, меню составлено превосходно, мисс Милрэй. Гости приедут поездом в четыре тридцать.

— Я уже отдала Холгейту соответствующие распоряжения. Кстати, сэр Чарльз, если вы не возражаете, я сегодня поужинаю вместе с вами.

Сэр Чарльз посмотрел на нее с изумлением.

— Буду очень рад, мисс Милрэй... но...

— В противном случае, сэр Чарльз, — невозмутимо пояснила она, — за столом окажется тринадцать персон, а многие люди суеверны.

Тон мисс Милрэй не оставлял сомнений в том, что она усаживала бы за стол тринадцать персон каждый день на протяжении своей жизни без каких-либо колебаний.

— Кажется, все готово, — продолжала она. — Я велела Холгейту привезти леди Мэри и Баббингтонов на автомобиле. Правильно я сделала?

— Абсолютно. Именно об этом я вас и просил.

С улыбкой превосходства мисс Милрэй удалилась восвояси.

— Замечательная женщина, — чуть ли не с благоговением произнес сэр Чарльз. — Я боюсь, однажды она придет и почистит мне зубы.

— Олицетворение деловитости, — заметил Стрейндж.

— Она служит у меня шесть лет, — сказал сэр Чарльз. — Сначала, в Лондоне, была секретаршей, а в настоящее время выполняет функции экономки. Работает как часы. А сейчас вдруг решила уйти.

— Почему?

Сэр Чарльз потер нос с выражением сомнения на лице.

— Говорит, ее мать — инвалид и нуждается в уходе. Я ей не верю. Не представляю, что у подобной женщины вообще может быть мать. У меня такое впечатление, будто ее породила некая динамомашинка... Нет, здесь что-то другое.

— Вполне возможно, — сказал сэр Бартоломью. — Ходят кое-какие слухи...

— Какие слухи? — удивленно спросил актер.

— Мой дорогой Чарльз, вам это прекрасно известно.

— Вы хотите сказать — о ней и обо мне? С ее-то внешностью? И в ее-то возрасте?

— Ей, наверное, нет и пятидесяти.

— Может быть... — Сэр Чарльз задумался. — Но серьезно, Толли, ты обратил внимание на ее лицо? Оно имеет два глаза, нос и рот, но разве его можно назвать лицом — *женским* лицом? Даже самая злобная сплетница не стала бы распространять слухи о любовной связи такой женщины с кем бы то ни было.

— Вы недооцениваете воображение британской старой девы.

Сэр Чарльз покачал головой.

— Мне что-то не верится. Мисс Милрэй излучает благочестие, и это должно быть очевидным даже для британской старой девы. Она воплощенная добродетельность — и в высшей степени полезная женщина. Я всегда выбирал себе секретарш страшных как смертный грех.

— Очень мудро.

На несколько минут сэр Чарльз погрузился в размышления.

— Кто сегодня приедет? — спросил сэр Бартоломью, дабы вывести его из этого состояния.

— Во-первых, Энджи.

— Анджела Сатклифф? Очень хорошо.

Мистер Саттерсуэйт подался вперед. На его лице появилось заинтересованное выражение. Анджела Сатклифф была известной актрисой. Уже не молодая, она тем не менее все еще привлекала внимание к своей персоне и отличалась незаурядным умом в сочетании с редким обаянием. Иногда ее называли наследницей Элен Терри.

— Затем, Дейкрсы.